

ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА ЕВРОПЫ

А.Сытник

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ СТИНКОВСКОЙ ИНДУСТРИИ НА ДНЕСТРЕ И ИХ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

A. Sytnik. New Sites of Stinka Industry on the Dniester and Their Cultural and Historical Interpretation.

The Palaeolithic expedition conducted by the author on the left shore of the middle Dniester (Ternopol oblast', Ukraine) discovered and partly studied a number of new Mousterian sites (Pilipiche XI, VII, Kasperovtsy I, VI, VII, etc.), which preliminary were identified as "Stinka variety of bifacial industries".

Comparative and typological analysis of most expressive sites of Stinka-Pilipiche type demonstrating a series of bifacial Micoquien forms, various side-scrapers and even end-scrapers suggests a transitory nature of the industry. The evidence allows affirming that "Stinka culture" was not "widely spread in time and space and comprising all the Mousterian time". It was a comparatively short period of existence of primitive collectives with specialised household at the transitory stage between the Mousterian and the Late Palaeolithic. In its technical aspect, the materials of this industry can be classified as post-Mousterian bifacial period, middle Dniester facies, Stinka-Pilipiche type.

Стало уже хрестоматийным положение, что в Среднем Поднестровье в мустьерское время существовали (или сосуществовали?) две культурные линии. Это знаменитые леваллуазские комплексы Молодово I и V (Черныш 1961, 1965, 1982, 1987), частично Кетросы (Анисюткин 1984). Другая линия была представлена «стинковской культурой» (Анисюткин 1969: 5-17; 1977: 5-9; 1977а: 7-14; 1978: 3-14), или техническим вариантом «микромустье зубчато-двусторонним» (Гладилин 1976: 105).

В последние годы на Подолии и в Верхнем Поднестровье были изучены новые леваллуазские памятники (Сытник 1985; 1994; Сытник, Богуцкий, Кулаковская 1996: 86-97), которые дали возможность ставить вопросы о генетических корнях «местного леваллуа» и его развитии в пространственно-временных аспектах (Сытник 1996: 75-85).

Со стинковской культурной традицией дело обстоит немного сложнее. До недавнего времени не было убедительной аргументации ни в стратиграфическом положении культурных слоев памятников, ни в технико-типологическом облике самой индустрии. Исключение составляла яркая серия стинковских листовидных острий. В связи с открытием новых местонахождений с материалами типа Стинки этот вопрос можно рассматривать на более содержательном уровне с учетом новых фактических материалов.

В 1988 г. Тернопольской палеолитической экспедицией под руководством автора были предприняты разведки на левом берегу среднего течения Днестра, при впадении в него притока

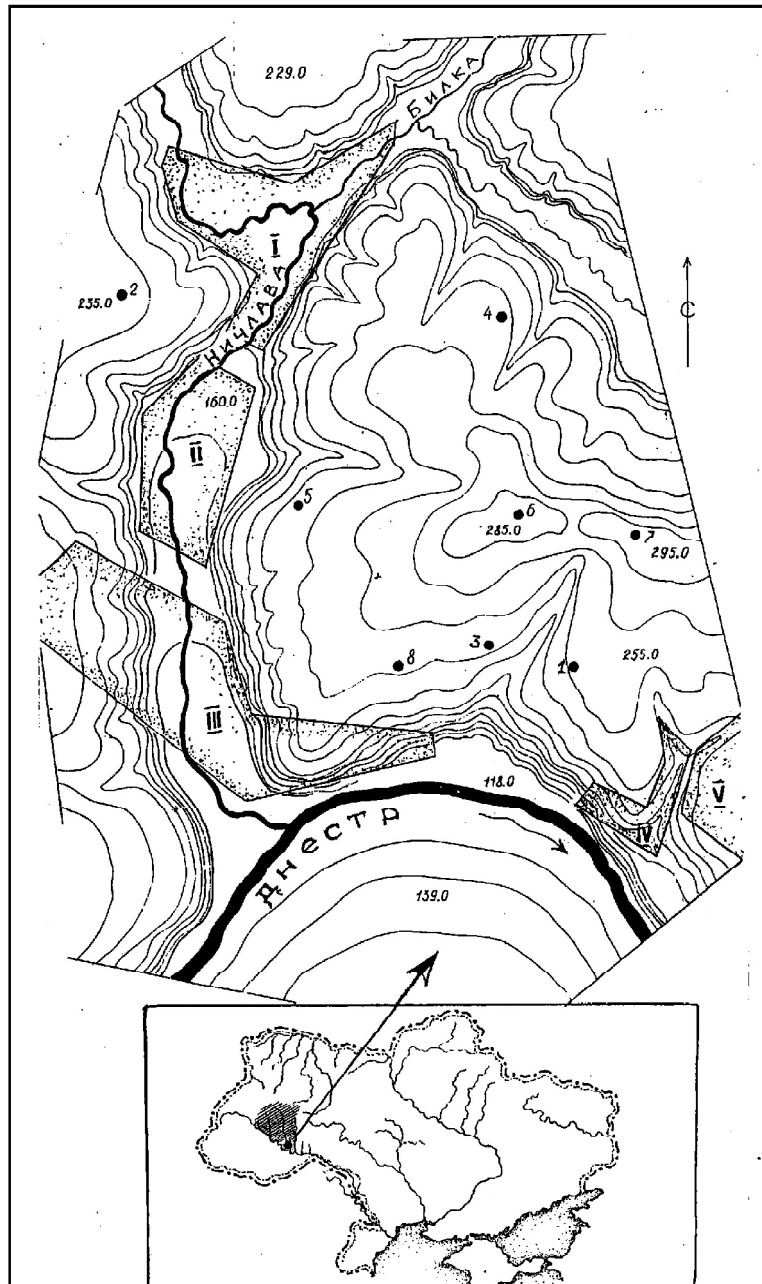
Ничлавы (села Борщевского района Тернопольской области: Устье, Пилипче, Мишалкив и др.) (Сытник 1992: 14). В результате этих работ открыто и частично изучено несколько мустьерских стоянок, которые в предварительном плане можно зачислить к «стинковскому варианту двусторонней индустрии» (рис. 1).

ПИЛИПЧЕ XI

Это опорная «стинковская» стоянка на левобережье Среднего Днестра (рис. 1, 6).

Расположена на вершине небольшой платообразной возвышенности в окружении долин Днестра, Ничлавы и ручья, протекающего в глубокой балке Барлыга. Археологические материалы встречены на поверхности высокой (пятой?) террасы, примерно 180 м над уровнем поймы Днестра и на расстоянии 1,5 км от его русла. Это пахотное поле (2 км на юго-восток от с. Пилипче) – самая высокая точка окружающей местности, с выходом на поверхность террасового аллювия (галечник, карбонатный щебень, песок). Артефакты мустьерского времени находились прямо на этом аллювиальном материале, хотя генетически с ним не связаны. Вероятно, этот постоянно продувной гребень возвышенности был удобным местом для временного (сезонного?) лагеря первобытных охотников. Он давал возможность для широкого обзора и постоянного контроля за стадами млекопитающих в зоне слияния Ничлавы и Днестра. Здесь же, в естественном обнажении балки Барлыги находились богатые залежи сеноманского кремня. В аллювиальном галечнике иногда встречались

Рис. 1. Карта-схема расположения новых среднепалеолитических памятников ничлавской группы. I – с. Пилипче; II – с. Мышалкив; III – с. Устя; IV – с. Худыковцы; V – пгт Мельница-Подольская. Памятники: 1 – Худыковцы I; 2 – Мышалкив II; 3 – Устя III; 4 – Пилипче XIV; 5 – Мышалкив I; 6 – Пилипче XI; 7 – Пилипче VII; 8 – Устя VIII.

конкреции и желваки туронского высококачественного кремня, из которого также можно было изготовлять необходимые орудия труда.

В 1988 г. было заложено три рекогносцировочных шурфа (2 × 1 м) вдоль склона, перпендикулярно течению Днестра (рис. 2). Шурф № 1 находился непосредственно в месте наибольшего скопления находок, на террасовом галечнике гребня возвышенности. Верхние 40 см – это отложения окатанных песчанистых и карбонатных пород с линзами и причудливыми прослоями красных, иногда бурых глин. Ниже – обломочный материал коренных неогеновых известняков. Археологические находки встречались в заполнении первых 20 см аллювия.

Шурф № 2 заложен на расстоянии 50 м юж-

нее первого шурфа – вдоль склона возвышенности. В нем отмечена такая последовательность пород: 0-0,5 м – современная почва; 0,5-0,7 м – тонкий прослой лессовидных пород, постепенно переходящий в аллювиальные отложения. На границе лесса и аллювия найдено три артефакта.

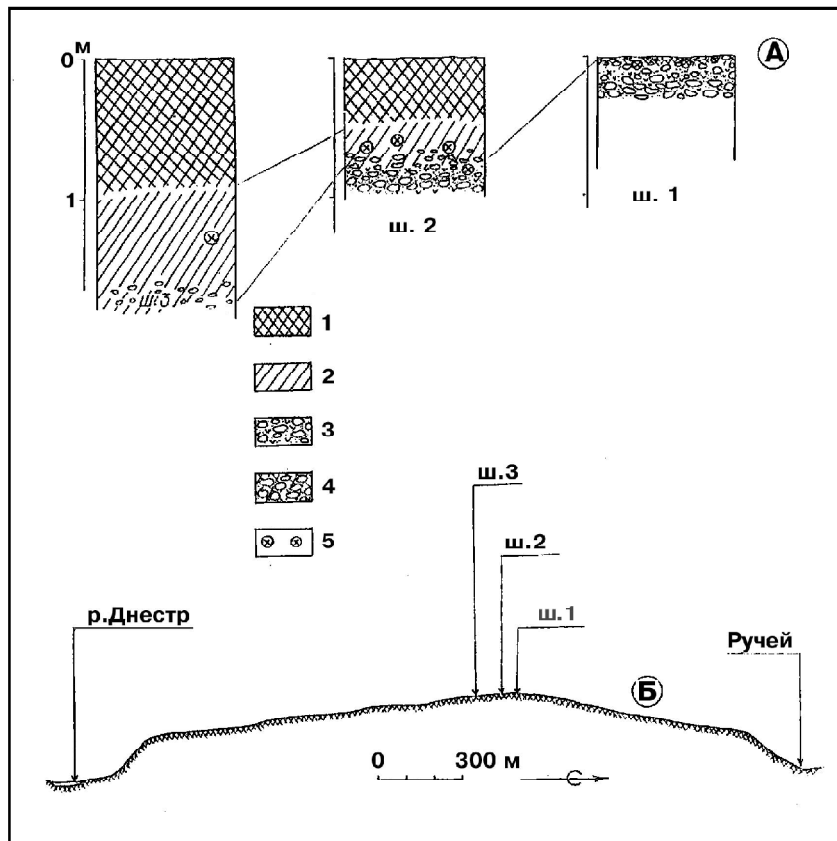
В шурфе № 3 (50 м южнее предыдущего шурфа) на глубине 1,35 м в лессовых отложениях найден один случайный кремь неопределенного палеолитического возраста (рис. 2А). Лессовидные суглинки на глубине около 2 м залегают на галечниках того же террасового аллювия.

Таким образом, культурный слой хотя и остался на первоначальном месте поселения – на самой высокой точке рельефа, однако он пере-

Рис. 2. Местонахождение Пилипче XI.

А – стратиграфия отложений в шурфах (ш.1-3): 1 – современный чернозем; 2 – верхнеплейстоценовый лесс; 3 – аллювиальный галечник и песок; 4 – аллювиальный галечник и глина; 5 – артефакты.

Б – условный профиль плато между долиной Днестра и балкой Барлыгой

отложен в другом ракурсе – постоянно выветривался, перемывался и фильтровался под действием различных атмосферных факторов. Здесь периодически селились люди других археологических эпох (мезолит, ранний железный век), оставившие также и свои скромные следы.

Несомненно, часть археологических материалов была смыта вниз по склону еще в палеолитическое время, особенно это касается микроизделий, возникающих при первичном расщеплении и оформлении двусторонних орудий (чешуйки и другие элементы подправки в коллекции отсутствуют).

Применение стратиграфических методов относительного датирования таких памятников невозможно, поэтому чистота комплекса зависит лишь от внешнего вида и технико-типологической выразительности собранного инвентаря, а также, естественно, от подготовки и интуиции исследователя. Это сильно снижает ценность памятника как исторического источника «закрытого комплекса», но, с другой стороны, стимулирует поиск дополнительных критериев, иных исследовательских процедур.

Такая же неопределенная геологическая ситуация наблюдается и на других мустьерских местонахождениях, расположенных на высоких террасах Днестра и приуроченных к выходам аллювиальных отложений – Пилипче VII, Устя III, VIII, Мышалки I, II, Касперовцы VII, Голиграды, а также памятниках стинковской группы на правом берегу Днестра.

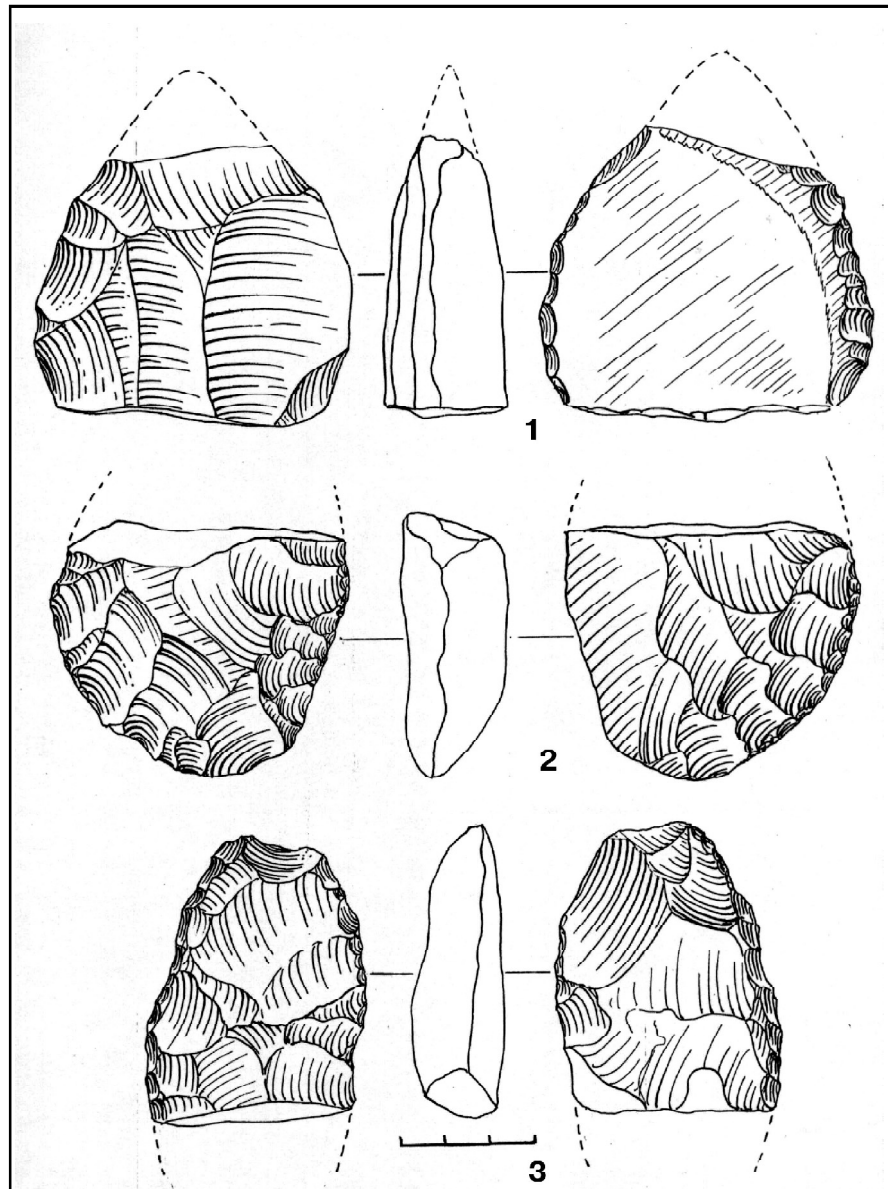
Площадь распространения подъемных материалов Пилипче XI примерно 50 x 70 м, что соответствует радиусу распространения галечников. Здесь найдено около 1 тыс. кремней, значительная часть которых представлена аморфными обломками сеноманского кремневого сырья. Для технико-типологического и морфометрического анализа пригодна коллекция лишь из 500 единиц каменных артефактов.

Главным исходным сырьем служила кремнистая порода сеноманского яруса верхнемеловых отложений (90% коллекции), аллювиальный туронский галечный кремль (8%), кварцит (2%). Туронские кремни в естественных отложениях на Среднем Днестре неизвестны (отсутствуют сами отложения туронского яруса). Поверхность расщепленных туронских кремней сильно патинирована (фарфоровый оттенок), иногда выветрена, а также покрыта пятнами и разводами железистых стяжений.

Ядро комплекса составляют изделия из грубокристаллического сеноманского кремня. На разломе это преимущественно черная, темно-серая, нередко с синеватым оттенком, шершавая порода. Поверхность расколотых кремней покрыта легкой патиной серого, голубоватого и сизого оттенков (сеноманские кремни патинируются очень медленно).

Несколько поделок изготовлено из серого кварцита. Они представлены массивными аморфными сколами и нуклевидными обломками. Иногда трудно различить тонкокристал-

Рис. 3. Пилище XI.
Двусторонние
и частично-
двусторонние
макроформы (1
– нуклеус?)

лический кварцит от грубозернистого сеноманского кремня.

Сохранность инвентаря в целом неудовлетворительная, на многих сколах и нуклеусах имеются разломы и выщербины естественной и техногенной «реутилизации». Часто запатинированные природные негативы и выщербины почти неотличимы от следов палеоантропогенной обработки, особенно на мелких массивных обломках.

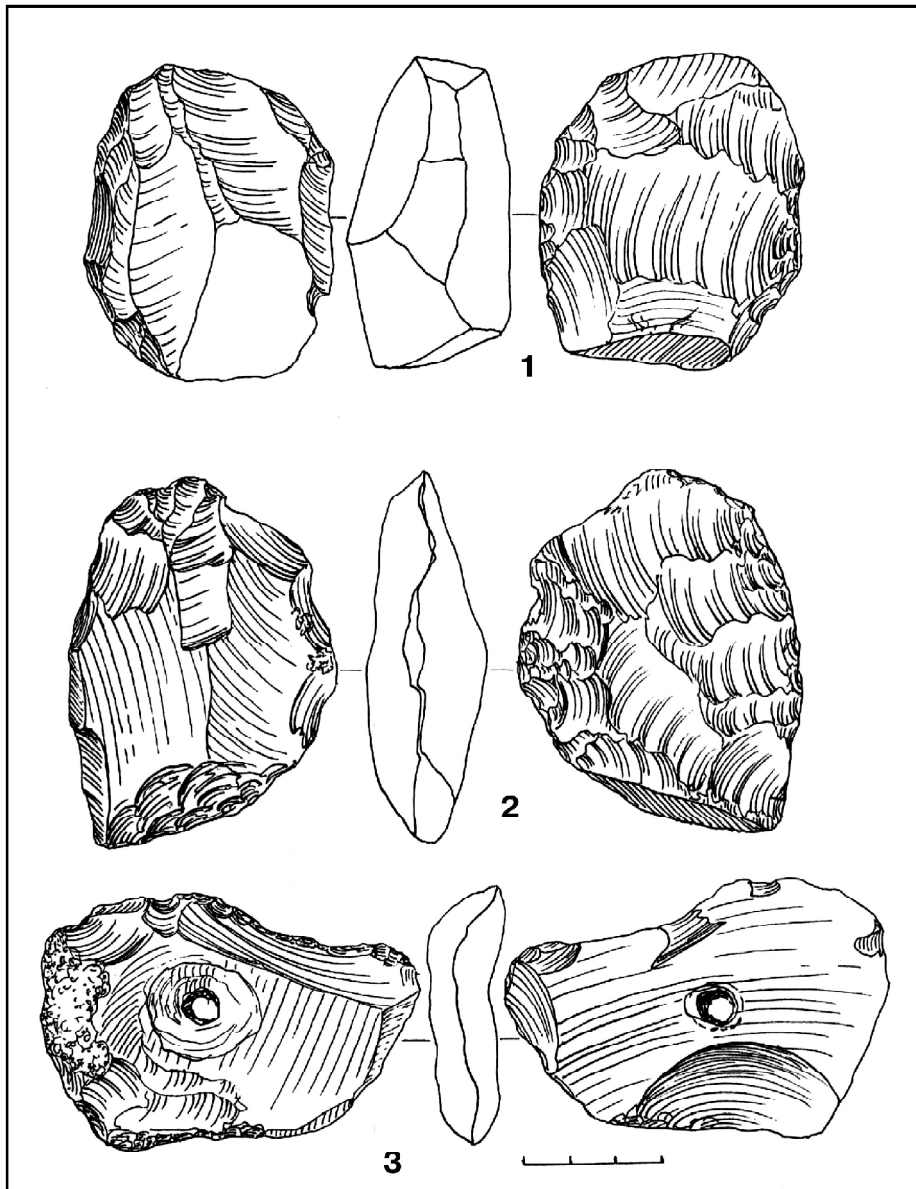
Общая коллекция каменных изделий подразделяется на такие основные категории инвентаря: нуклеусы – 77, нуклевидные обломки – 34, отщепы – 384, пластины – 70, орудия труда или изделия со следами вторичной обработки – 105 экз. Сравнительно высокий процент орудий (20%) и нуклеусов (15%) находит объяснение в значительной лакунарности коллекции, когда наибольшая часть комплекса (мелкие продукты расщепления) совсем не сохранилась на

месте стоянки.

Нуклеусы. За исключением нескольких крупногабаритных экземпляров нуклеусы в целом небольшие, сработанные до предела, размерами 5-7 см в поперечнике. На них, как правило, наблюдается большое число мелких оформительских негативов снятий. Поделки в большинстве случаев подправлены и с тыльной стороны, но правильная геометрическая форма отсутствует. Доминируют ядрища уплощенно-двустороннего и многогранного оформления; все стороны у них очищены от корки. Эти и другие морфоприсзнаки являются результатом не столько технических традиций расщепления камня, сколько плохим качеством сырья, побуждающим уделять много внимания «ошкуриванию» конкреций от ячеисто-ноздреватой естественной корки.

Целые ядрища делятся на группы бессистемно-многогранных (12), дисковидных (11), ле-

Рис. 4. Пилпиче
XI. 1-2 – дву-
сторонние
макроформы
(1 – нукле-
ус?); 3 – от-
щеп.

валлуазских атипичных (5), параллельных (19). Последние представлены продольными, поперечными и другими модификациями. Леваллуазская техника в общем неразвита. Этот вывод подтверждается не только отсутствием типичных форм леваллуазских нуклеусов, но и целостной картиной технических слагаемых индустрии. На имеющихся атипичных ядрищах леваллуа последний, завершающий цикл снятий, негатив выраженный нечетко. Отсутствует или «плохо читается» специальная подготовка к скалыванию рабочей поверхности и мелкая подправка ударных площадок. Большей частью, это поддисквидные нуклеусы округло-овальной конфигурации с более-менее крупным последним негативом.

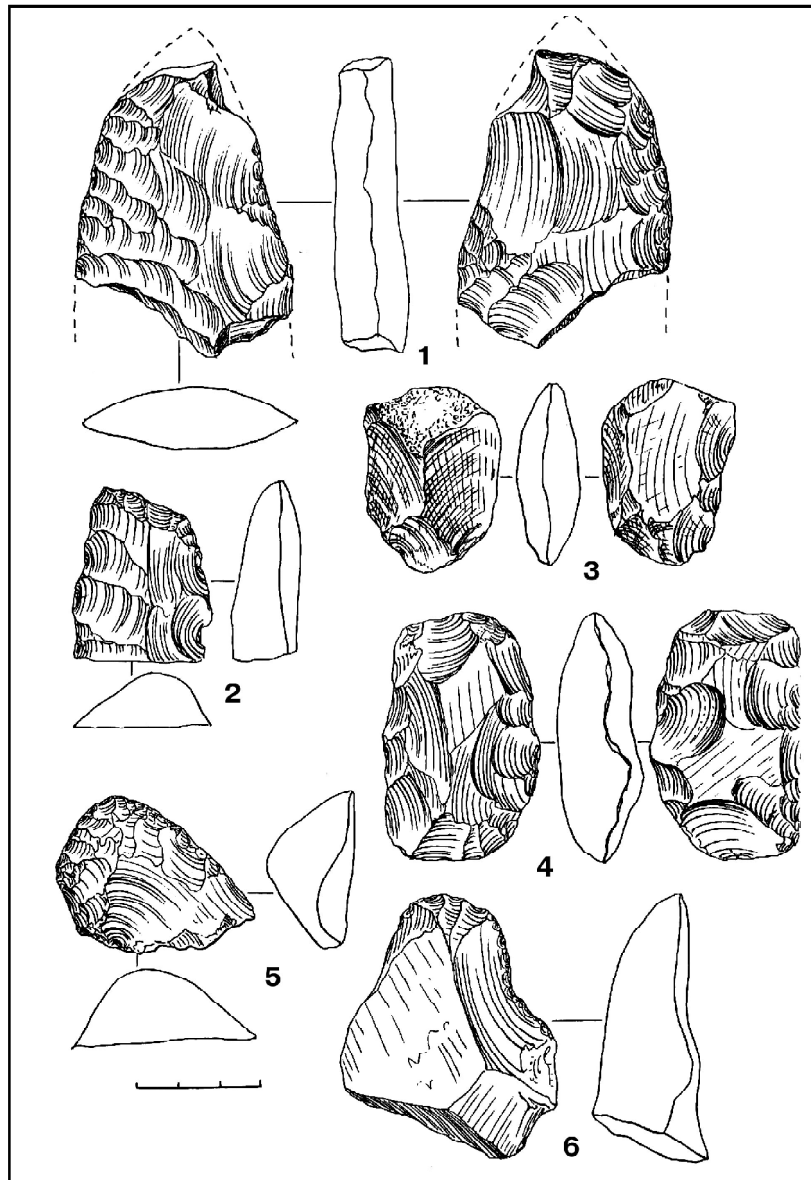
Радиальные ядрища также не имеют геометрически правильной формы. Центростремительные негативы нечеткие. Тильные поверхности обиты бессистемными снятиями подтески

и переоформления. Очень редкие тонкофасетированные площадки. Размеры нуклеусов небольшие.

«Параллельные ядрища» в большинстве случаев напоминают продольные или поперечные экземпляры позднепалеолитического времени, однако выразительной единой системы изготовления сколов-заготовок не наблюдается.

Отщепы составляют 400 экз. Около 10% – это угловатые грубые и массивные сколы неупорядоченной конфигурации. Некоторые из них могли быть использованы как заготовки для двусторонних орудий. 30-40% сколов имеют параметры более 5-6 см, что характеризует индустрию как макролитическую. Типичные леваллуазские заготовки без вторичной обработки отсутствуют. Лишь 4-6% отщепов можно условно отнести к леваллуазским. Ударные площадки этих отщепов оформлены преимущественно грубыми хаотическими снятиями. Преобладают

Рис. 5. Пилипче XI. 1 – микокский нож; 2, 5, 6 – скребки; 3, 4 – заготовки двусторонних орудий.

плоские скошенные или двух-трехгранные ударные поверхности. Тонкофасетированные площадки встречаются очень редко.

Пластины (около 12%) представлены в большинстве случаев фрагментами продольных, продольно-краевых или хаотически огранных, но удлиненных по оси раскалывания изделий. Форма и размеры их нестабильны, продольные края асимметричные и неровные.

Вторичная обработка характеризуется разнообразием использовавшихся приемов. Центральное место среди них занимает двусторонняя плоская оббивка и параллельная краевая ретушь. Сравнительно частыми были ядрищные способы утоньшения и подтески, аккомодации.

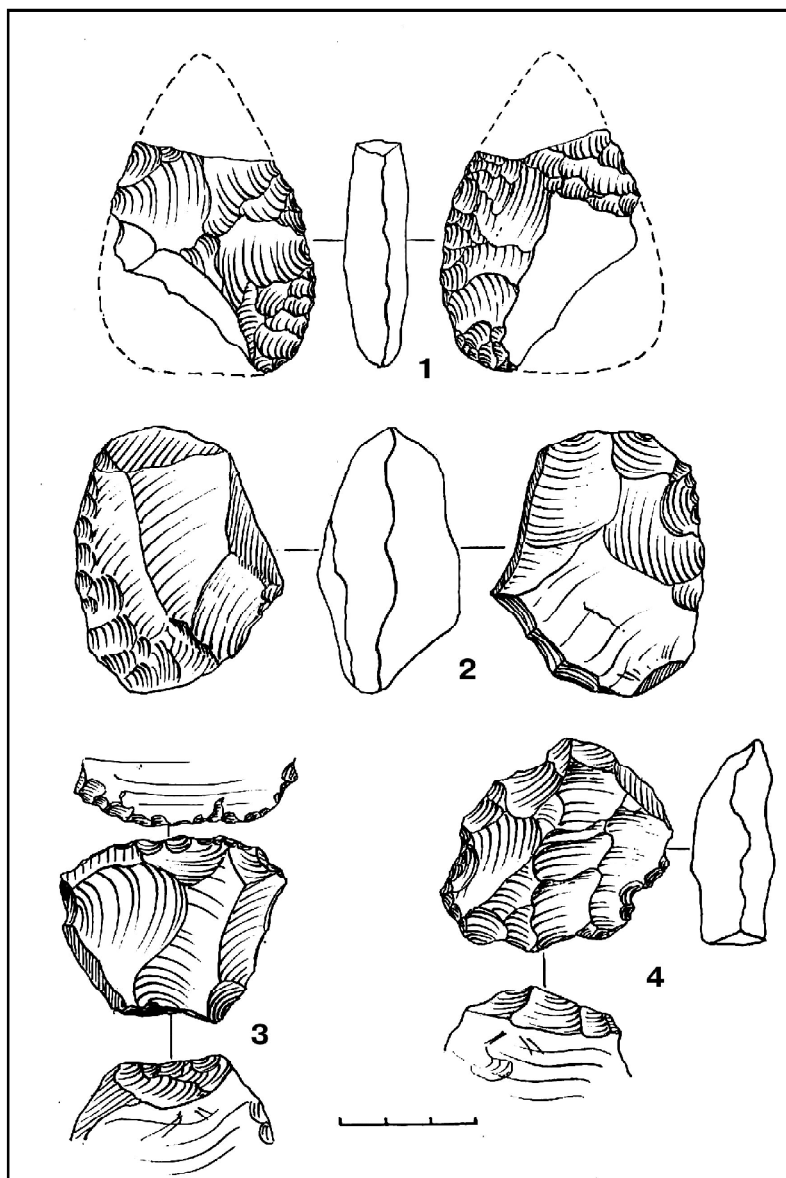
Орудия труда по своему вероятному функциональному назначению делятся на следующие типы: рубящие орудия (рубиллообразные) – 5, двусторонне обработанные листовидные наконечники – 20, скребла частично-двусторонние – 9,

скребла на сколах – 38, ножевидные орудия – 14, зубчатые (ножи?, пилки?) – 6, острия на сколах атипичные – 4, зубчато-выемчатые изделия – 15, скобели – 8, скребки – 5, резцы – 1 экз.

Двусторонние и частично двусторонние орудия составляют более 33% всех орудий. Рубиллообразные инструменты представлены массивными фрагментами грубооббитых заготовок. Некоторые из них напоминают сильно уплощенные ядрища (рис. 3, 1; 4, 1). В типологическом плане эти изделия больше отвечают стандартам крупных микокских орудий (рис. 3, 2, 3; рис. 4, 2; рис. 5, 1).

Наиболее выразительными типами орудий являются листовидные наконечники (Blattspitzen). 5 из них изготовлены из тонкокристаллического туронского кремня, остальные – из сенманской породы. Их средние размеры: 8,5 x 4,5 x 1,2 см. Это удлиненные, двусторонне обработанные изделия с утонченным и заокруг-

Рис. 6. Пилипче XI. 1 – треугольный наконечник; 2 – заготовка двустороннего орудия (скребло на массивном отщепе?); 3, 4 – зубчатые орудия (?) на псевдоловаллуазских отщепях

ленным основанием (рис. 7,8), иногда с основанием в виде рабочего края скребка (рис. 7,1). Несколько предметов имеют подтреугольную форму с грубосколотым (подтеска) основанием (рис. 8,3,6). Остальные наконечники представлены медиальными частями и острыми терминальными концами (рис. 6, 1; рис. 7, 4; рис. 8, 1, 2, 4, 8, 9). Все эти орудия объединяются такими признаками, как листовидно-треугольная форма, уплощающая двусторонняя оббивка, мелкая ретушь подострения продольных лезвий, преимущественно плоско-выпуклое поперечное сечение. Заготовками для этих орудий были крупные сколы, о чем свидетельствует, прежде всего, остатки ударных площадок и плоских брюшковых поверхностей. Плоско-выпуклое сечение наконечников могло иметь также и традиционный характер. Необходимо отметить тот немаловажный факт, что в собранной коллекции преобладают незаконченные или бракован-

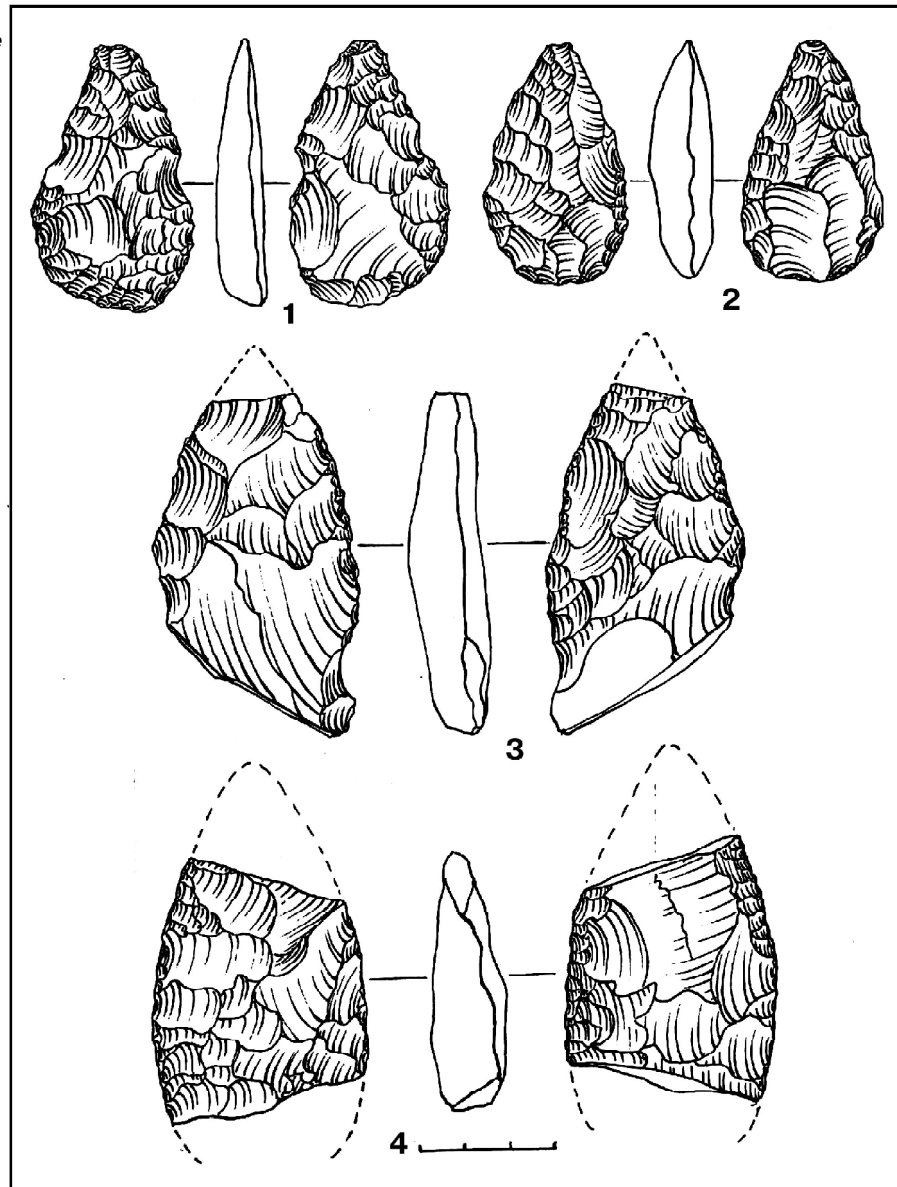
ные (фрагментированные) инструменты (рис. 5, 3, 4; рис. 8, 4, 6, 8, 9).

Группа частично-двусторонних скребел представлена обломками или массивными отщепами, на двух плоских сторонах которых прослеживаются широкие негативы от сколов подправки и ретушь оформления. В функциональном аспекте эти изделия неэффективны (рис. 6, 2)

Простые скребла на сколах подразделены на типы продольно-выпуклых (преобладают), поперечно-выпуклых, продольно-прямых и угловатых (рис. 9, 2-6). Интересное круговое овальное скребло со сплошной полукруглой регулярной ретушью (рис. 9, 5).

Острия атипичные. Это треугольно-стрельчатые приземистые отщепы с максимальной шириной на уровне ударной площадки (рис. 9, 1). Только один экземпляр имеет удлиненную стрельчатую форму.

Рис. 7. Пилипче XI.
Двусторонние
наконечники.

Ножи и зубчато-выемчатые изделия являются обыкновенными удлиненными отщепами с продольным ребром (обушком) или без него, а также нерегулярной «рваной» ретушью по острому лезвийному краю (рис. 6, 3, 4; рис. 9, 4). В связи со значительным механическим повреждением инвентаря на месте выхода на поверхность аллювиального галечника, в вопросах определения зубчато-выемчатого инвентаря был применен очень строгий подход. Учитывались форма и габариты заготовок, вид и тип ретуши, одновременность и регулярность нанесенных фасеток подправки и т.п.

Основные приблизительные индексы индустрии: леваллуа – 5,7; пластин – 11,8; параллельной техники – 40,4; радиальной – 23,5; двусторонней вторичной обработки – 30; двусторонних наконечников – 20, скребел – 33,3; подправки ударных площадок широкий – 40; узкий – 10.

Таким образом, индустрия в целом являет-

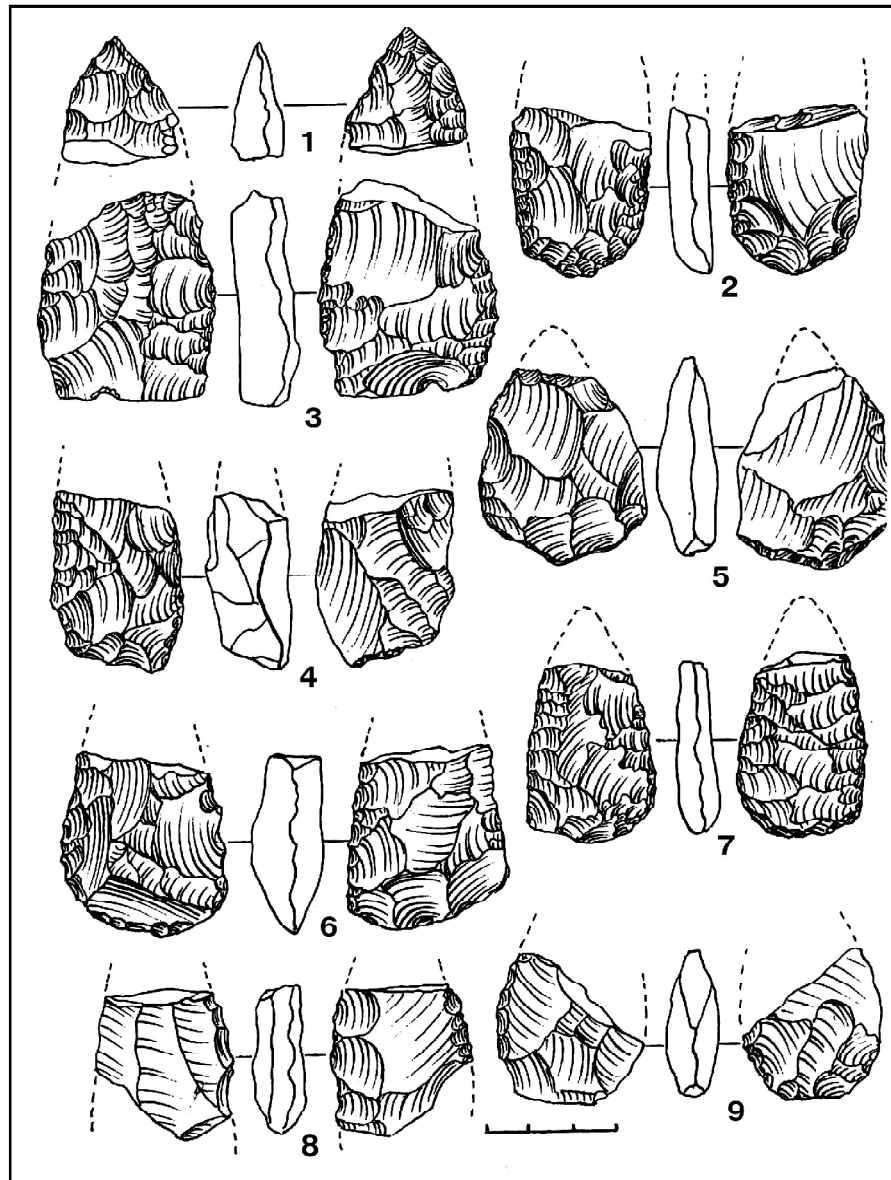
ся двусторонней, нелеваллуазской, нефасетированной, среднепластинчатой, массивной. Доминируют параллельный и радиальный принципы расщепления, однако стандартизированные заготовки отсутствуют. Ведущей формой инвентаря был двусторонний листовидно-треугольный наконечник с утонченным и частично закругленным основанием.

ПИЛИПЧЕ VII

Памятник расположен в юго-восточных окрестностях одноименного села, на левом борту уже упоминавшейся балки Барлыги, 800 м восточнее пункта Пилипче XI, в урочище Кирилловы Корчи (рис. 1, 7). Выявлено автором в 1988 г.

На привершинном склоне плато (верховье балки) собрана небольшая коллекция кремневых изделий из местной сеноманской конкреционной и привнесенной аллювиальной (галечник) породы. Поделки имеют интенсивную белую и

Рис. 8. Пилипче XI.
Двусторонние
наконечники и
заготовки.

серую патину, иногда пятна и разводы железистых соединений желто-красноватого цвета.

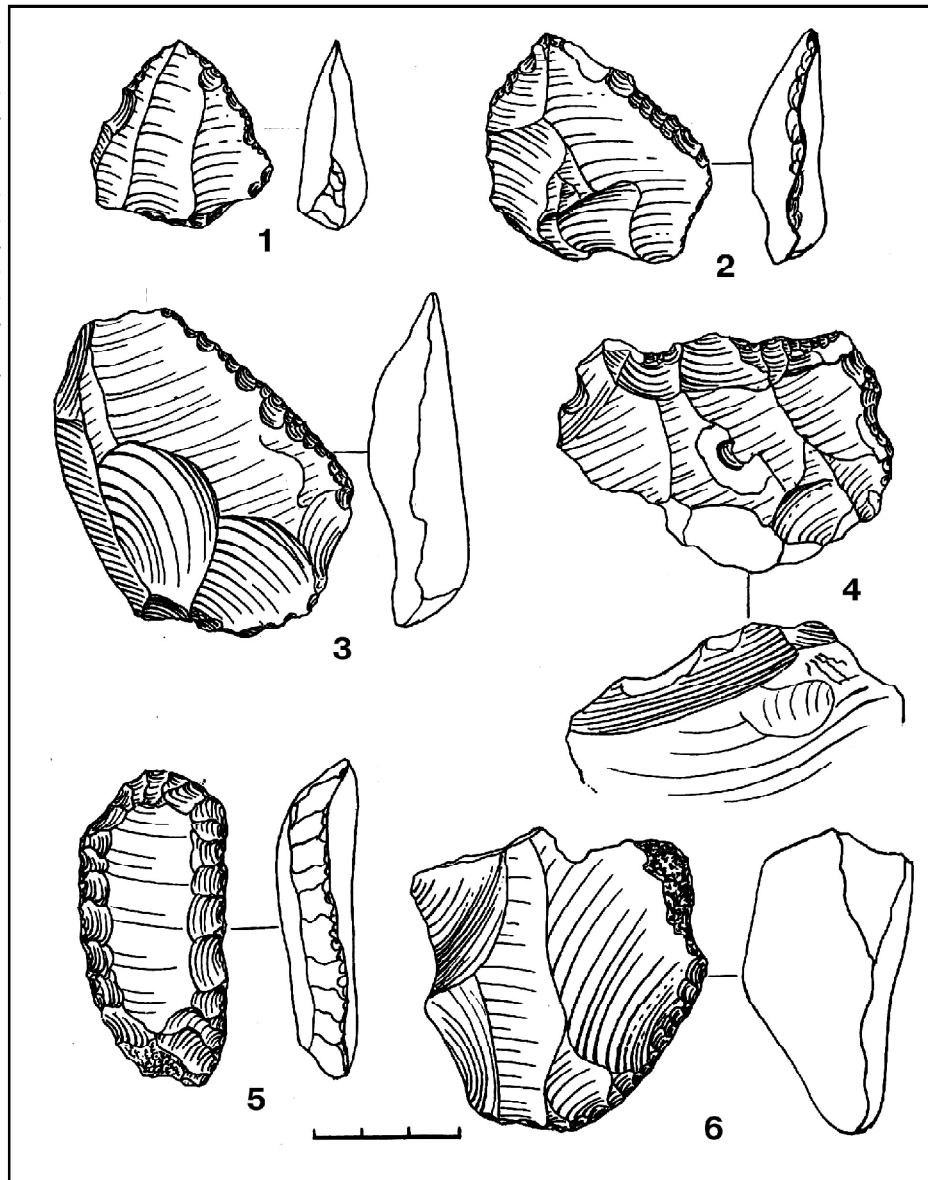
В коллекции представлены нуклеус, пластины (12), отщепы (27), орудия труда (6 экз.). Обращают внимание леваллуазские отщепы радиального и подпараллельного раскалывания с выпуклыми и прямыми фасетированными ударными площадками (рис. 10, 2-6). Один из них можно классифицировать как атипичное острие леваллуа (рис. 10, 5). Другое изделие имеет асимметрическое острие (рис. 10, 6). На обоих прослеживаются следы от использования в трудовых операциях. Найден также классический леваллуазский отщеп с четко выраженными негативами продольного расщепления и радиальной подправки (рис. 10, 4). В группу орудий можно зачислить еще продольно-выпуклый обушковый нож на массивной двускатной пластине с обломанными концами (рис. 10, 3). Искусственный обушок оформлен в виде площадки-границы

– негатива крупного резцового снятия (?). Лезвие ножа обработано широкой попеременной ретушью (возможно, что это следы от механических повреждений). Остальные леваллуазские заготовки также имеют ретушную подправку, что, вероятно, свидетельствует об их применении как ножевидных орудий.

Среди этого леваллуазского массива сколов несколько удивительной кажется находка двустороннего наконечника-ножа на удлиненной (вероятно, пластинчатой) заготовке из высококачественного туронского кремня (рис. 10, 1).

Возможно, что вначале орудие имело функции наконечника, острый прокалывающий конец которого со временем притупился. После этого способом незначительной аккомодационной подправки оно было переоформлено в нож. Это двусторонне обработанный предмет с одним слегка выпуклым продольным краем и несколько извилистым противоположным, подправлен-

Рис. 9. Пилипче XI. 1 – конвергентное острие леваллуа; 2 – угловатое скребло на леваллуазской заготовке; 3, 6 – скребла продольно-выпуклые; 4 – зубчатое орудие; 5 – круговое скребло.

ным крутой притупляющей ретушью. Фаски оформления широкие, плоские, нацеленные от боковых краев до центральной продольной линии. Основа поделки немного заокруглена и специально потоньшена, вероятно, с целью крепления к древку. Размеры этого артефакта: 9,7 x 3,4 x 1,5 см.

По морфологическим и частично техническим показателям наконечник-нож аналогичный серии двусторонних острий со стоянки Пилипче XI. Отличается он только более удлиненными пропорциями, более тщательным оформлением и аккомодационным элементом притупленной спинки.

Незначительное количество подъемных материалов Пилипче VII и отсутствие стратиграфии не позволяют делать каких-либо выводов относительно культурно-исторического места памятника. Вероятно, комплекс принадлежит к

леваллуазской индустрии с единичными двусторонними формами.

ПИЛИПЧЕ XIV

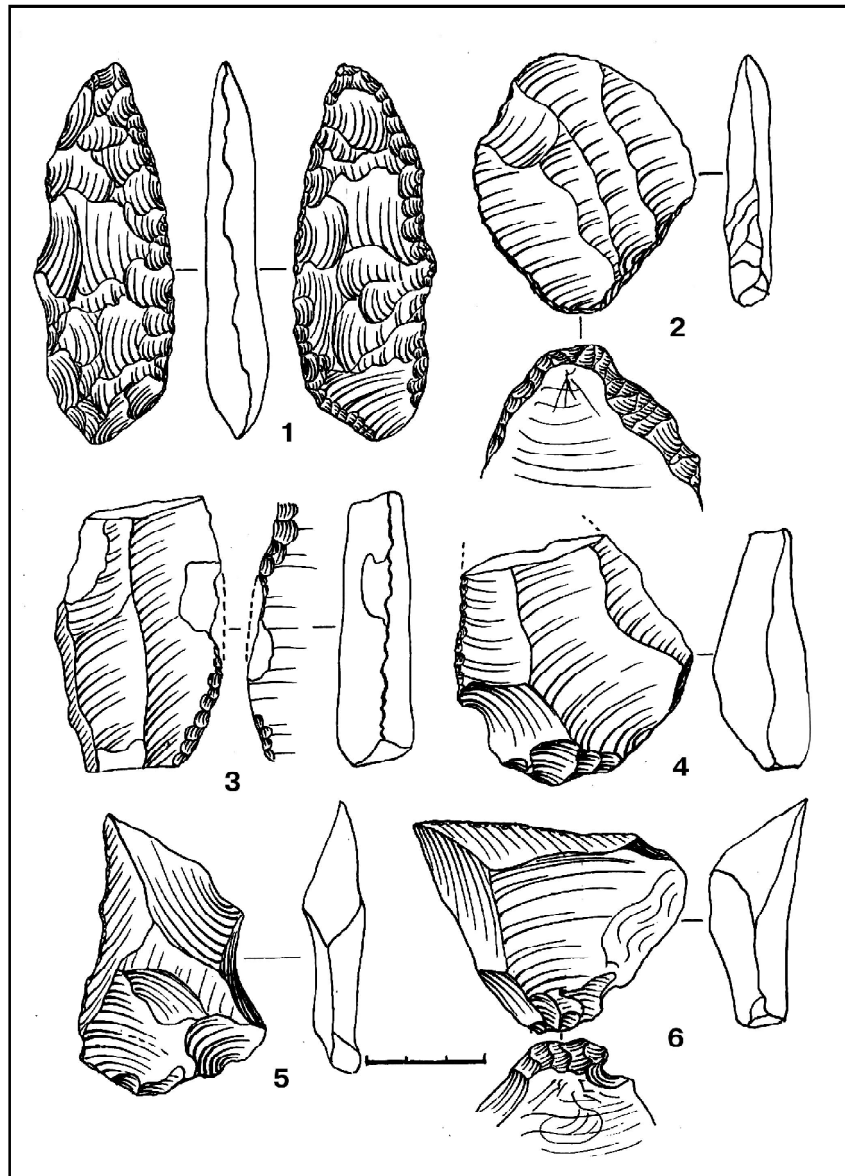
Расположено на одном из мысообразных уступов (между двумя древними оврагами) на левом крыле балки Барлыги, 700 м юго-восточнее окрестностей села (рис. 1, 4).

Материалы найдены краеведом-спелеологом из Тернополя Р.Алферовым в 1989 г. На границе пахотного поля и задернованого крутого склона выявлен типично мустьерский дисковидный нуклеус и три отщепы, покрытых интенсивной белой патиной.

УСТЯ III

Пункт находится на высокой террасе левого берега Днестра, приблизительно 2 км восточнее одноименного села, в урочище Хриплов (рис. 1,3).

Рис. 10. Пилипче VII. 1 – двусторонний наконечник-нож; 2-6 – леваллуазские заготовки с краевой ретушью.

Открыто автором и Н. Левчуком в 1988 г. На поверхности пахотного поля вместе с террасовым аллювием встречаются отдельные находки среднепалеолитического времени (35 экз.). Сырьё – низкосортная сеноманская кремнистая порода. Изделия покрыты интенсивной серо-белой патиной.

Заслуживает внимания рубящее орудие или нуклеус? Это неправильно-миндалевидное изделие с широкой выпуклой пяткой. Одна из плоских его сторон ограничена широкими центростремительными снятиями, другая имеет следы нескольких подрадиальных сколов и небольшой участок конкреционной корки. Суженный рабочий край подправлен незначительной подтеской только с лицевой стороны. Очевидно, заготовкой для этого инструмента послужил дисковидный нуклеус.

Комплекс в общих чертах напоминает материалы Пилипче XI.

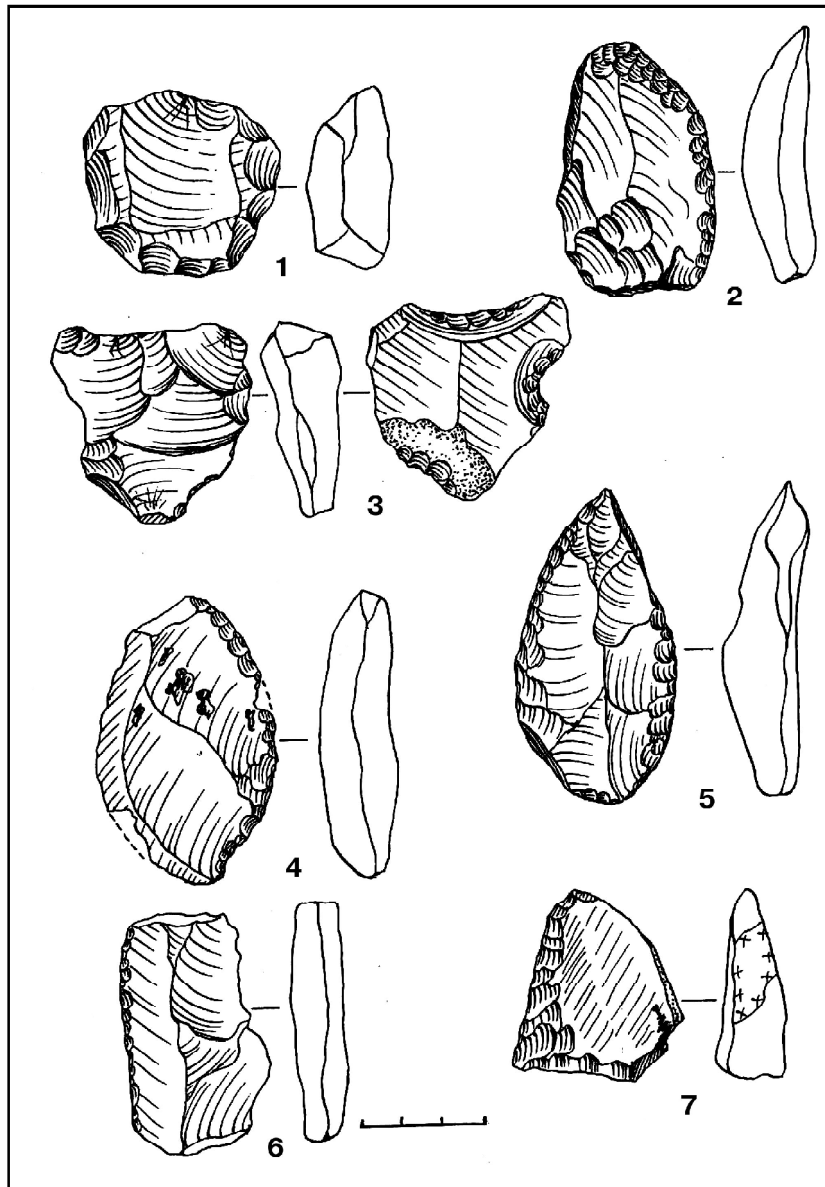
УСТЬЯ VIII

Местонахождение на высоком левом берегу Днестра, приблизительно 500 м восточнее окрестностей села, у песчаного карьера (рис. 1, 8). Материалы собраны автором в 1988 г. Они приурочены к выходу на поверхность террасового аллювия. Под сырьё использован все тот же конкреционный сеноманский кремнь. Изделия имеют бело-голубую патину и следы легкого выветривания. Найдено лишь 10 кремневых предметов, среди которых выделяются уплотненные дисковидные нуклеусы.

МЫХАЛКИ I

Местонахождение на краю высокого террасовидного уступа левого берега Ничлавы, у юго-восточных окрестностей одноименного села, в ур. Кремьянка (рис. 1, 5). Открыто автором в 1988 г. Среди террасового галечника, который

Рис. 11. Касперовцы VII. 1 – нуклеус леваллуа; 2, 4, 7 – скребла; 3 – нуклеус на отщепе; 5 – остроконечный нож; 6 – пластина с ретушью (нож).

покрывает большую часть мыса, собрано несколько мустьерских изделий из сеноманского кремня с бело-голубой патиной.

МЫХАЛКИВ II

Пункт на вершине водораздела левого берега Днестра и правого берега Ничлавы у северо-западных окрестностей села (рис. 1, 2). Здесь в 1988 г. автором было обнаружено несколько массивных отщепов предположительно среднепалеолитического времени.

ХУДЫКОВЦЫ I

Местонахождение на высоком левом берегу Днестра, 3 км северо-западнее окрестностей с. Худыковцы, в ур. Хриплов (рис. 1, 1). Открыто автором и Н. Левчуком в 1988 г. На террасовом аллювии собрана небольшая коллекция сеноманских и туронских кремней (рис. 12). Инте-

ресно приземистое треугольное острие леваллуа (рис. 12, 4), аналогичное такому же изделию из комплекса Пилипче XI.

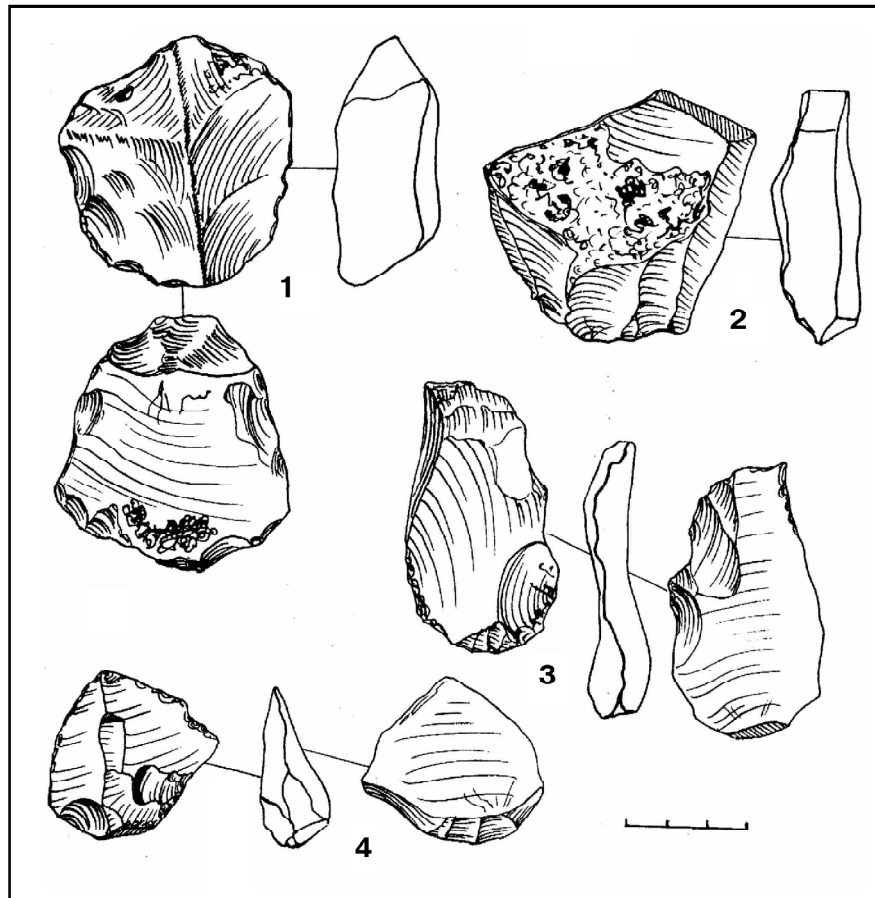
КАСПЕРОВЦЫ I

Стоянка расположена в северо-западных окрестностях села Касперовцы Залещицкого района Тернопольской области в урочище Мандатория. Открыта Ю.Полянским в 1927 г. На ней проводились небольшие раскопочные работы, результаты которых нашли широкий резонанс в научной литературе.

Стратиграфические особенности залегания археологических материалов описаны Ю.Полянским в нескольких разрезах памятника. Наиболее ярко они прослеживаются в точке С, где вторую (прислоненную) террасу прорезает древний овраг (по Ю. Полянскому 1929: 47-49):

1. Чернозем (0,4 м);

Рис. 12. Худыковцы I.
1-3 – массивные
отщепы; 4 – ле-
валлуазский от-
щеп-острие.

2. Лесс, обогащенный кальцием (0,8-1,0 м);

3. Светло-желтый известняковистый лесс (2,5 – 9,0 м). В слое встречаются кремневые изделия верхнего палеолита. В средней части лесса находятся два прослоя брекчии, сложенной из силурийских, сеноманских и аллювиальных отложений, которые были снесены водой из 4-5 террас. В нижней части лесса слоистые, имеют сине-зеленоватый оттенок.

4. Каменистая брекчия (2-4 м), которая распаивается на несколько горизонтов – слой силурийского материала и элювиальных отложений, слой ископаемой почвы темно-коричневого цвета, слой остроребристых обломков сеноманского яруса с прослоями красноватой глины (деградированный оглеенный лесс), слой брекчии с гумусированными породами.

5. Элювиальная глина (выветренный силур);

6. Коренные силурийские отложения.

Таким образом, частично переотложенный культурный слой мустьерского времени залегал в горизонте брекчии (элювиально-делювиальные отложения) с остатками разрушенной ископаемой почвы, которую И.Иванова относит к периоду одного из раннеюрмских интерстадиалов (Иванова 1969: 117).

Ю. Полянский указывал, что культурный слой «лежит постоянно под младшим лессом II» и поэтому он древнее периода седиментации этого горизонта. «Отложения с культурными остатка-

ми относятся к теплomu и влажному отрезку плейстоцена, который делит оба младших лесса... Имеем, таким образом, теплую мустьерскую финальную культуру из последнего так наз. вюрмского интерстадиала» (Полянский 1929: 51).

В культурном слое собрана большая коллекция костных остатков представителей позднеплейстоценовой фауны: мамонта, носорога, зубра, лошади, бизона, волка, благородного оленя. На одной из костей мамонта выявлены следы от ударов и резания, что указывает на возможность использования кости как наковальни (Борисковский 1953: 65).

Каменный материал представленный нуклеусами неправильных очертаний, дисковидными ядрищами, отщепами с краевой ретушью, пластинами, орудиями труда: скреблами с прямыми и выпуклыми рабочими участками, скребками, атипичными резцами. Весь инвентарь изготовлен из карпатского кварцита и кремня сеноманских отложений, который по своим техническим качествам напоминает кварцит.

В коллекции кремневых изделий, которая хранится в фондах Археологического музея в Варшаве, представлены, главным образом, дисковидные, конвергентные и бипродольные ядрища, поперечно- и продольно-выпуклые скребла, обушковые ножи, скобели.

Встречен был также фрагмент орудия с частично-двусторонней обработкой. О некоторых

скреблах с двусторонним оформлением лезвий из коллекции Касперовцев I пишут А.П.Черныш (1965: 105) и Н.К.Анисюткин (1969: 16; 1977: 7). Последний, в частности, указывает, что материалы Касперовцев I характеризуются обилием зубчато-выемчатых форм и поэтому стоянка может входить в круг распространения «стинковской культуры».

Индустрия Касперовцев I, на наш взгляд, является макролитической, нелеваллуазской, непластинчатой, с высоким показателем массивности. Серии стандартизированных заготовок и мелкие отходы производства отсутствуют, что характерно для переотложенного археологического комплекса.

В 1982 г. автор обследовал место стоянки. Найдено еще 5 изделий из низкосортного сеноманского кремня. Поделки находились на дне глубокого оврага, который прорезает остаток второй террасы, прислоненной к скальным породам каньонообразной долины Серета.

КАСПЕРОВЦЫ VI

Расположен пункт на расстоянии 200 м от стоянки Касперовцы I, на склоне правого берега р. Серет, в глубоком овраге. Открыт автором в 1982 г. Найдено лишь 7 предметов из грубокристаллического сеноманского кремня – два нуклеовидных обломка и 5 аморфных отщепов. В предварительном плане местонахождение отнесено к эпохе мустье.

КАСПЕРОВЦЫ VII

Памятник расположен на высокой террасе правого берега р. Серет, недалеко от его слияния с Днестром, в ур. Перейма. Открыт в 1982 г. В. Добрянским и В. Олейником. Вместе с аллю-

виальным галечником (IV-я терраса?) на гребне водораздела встречаются кремни мезолитического и мустьерского облика.

В мустьерской коллекции (около 50 изделий) с элементами леваллуа налицо два двусторонне-обработанных предмета (неудавшиеся заготовки). В 1993 г. местонахождение обследовано автором. Материалы среднепалеолитического времени были изготовлены на 80% из сеноманской кремнистой породы. Преобладают грубые массивные обломки, аморфные отщепы и осколки.

Найден типичный леваллуазский нуклеус дисковидного типа (рис. 11, 1). Он имеет округлые очертания и грубо расщепленную тыльную поверхность, принадлежит к конечным, сработанным до предела ядрищам. Еще один нуклеус оформлен на массивном подтреугольном сколе (рис. 11, 3).

Орудия труда представлены типичными мустьерскими формами остроконечников и скребел-ножей. Один из остроконечных ножей изготовлен на массивном леваллуазском отщепе удлинено-листовидных очертаний с широкой ретушью по выпуклых продольных краях. Острый прокалывающий конец образован естественной гранью и ретушью конвергентно-сходящегося края (рис. 11, 5). Одно из скребел принадлежит к типу простых продольно-выпуклых, оформленных на массивном леваллуазском отщепе овальной формы (рис. 11, 4). Ретушь широкая, однорядная. Другое продольно-выпуклое скребло имеет аккомодационную площадку-грань (рис. 11, 2). Индустрия в целом напоминает комплекс Пилипче VII – леваллуазский корпус заготовок и единичные двусторонне обработанные орудия.

АНАЛОГИ. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Наиболее близкие аналоги описанным двусторонним изделиям прослеживаются в коллекции Стинки I на правом берегу Днестра в Черновицкой области (Анисюткин 1969: 5-12). Сразу же бросается в глаза почти полное соответствие листовидных наконечников со Стинки I (5 экз. из верхнего слоя, 17 экз. – из нижнего, 4 экз. – подъемных – Анисюткин 1972: 88 – 94) и наконечников из Пилипче XI. Они одинаково оформлены ядрищным способом двусторонней плоской оббивки и мелкой прикраевой ретуши, имеют приблизительно одинаковую форму, размеры и пропорции, частично закругленное и утонченное основание. Большинство наконечников обоих памятников изготовлено на удлиненных сколах, что подтверждается плоско-выпуклым (почти линзовидным) сечением.

Согласно схеме В. Гладиллина, индустрия Пилипче XI могла бы принадлежать к варианту мустье двустороннего восточномикокской (?) фации, типа Пилипче. Однако, учитывая полные аналоги этого памятника со стинковской индуст-

рией, которая отнесена В. Гладилиным к стинковской фации микромустье зубчато-двустороннего (Гладиллин 1976: 105), такое подразделение не может быть принято во внимание. К тому же двусторонние наконечники и Стинки, и Пилипче являются далеко не микокскими формами (Ситник 1994: 5-23).

Было бы правомерным определение технико-типологического места новооткрытых памятников Приднестровья как варианта мустье двустороннего стинковской фации, но в таком случае возникает другое противоречие – тип Стинки, обозначенный вариантом микромустье зубчатым.

По нашему мнению, индустрии Стинки и Пилипче имеют все-таки больше черт близости, чем отличий. Остановимся более подробно на некоторых из них. В технике первичного расщепления оба комплекса принадлежат к нелеваллуазским индустриям с преобладанием грубооформленных ядрищ и параллельно расщепленных сколов, с низким индексом подправки удар-

ных площадок и почти одинаковым уровнем пластинчатости (Анисюткин 1977: 7-9). В обеих коллекциях прослеживается сравнительно большая массивность инвентаря и выразительный «клектонский признак» – тупые плоские ударные площадки, а также укороченные пропорции и аморфные очертания значительного количества отщепов. Таким образом, существенных разногласий в техническом варианте первичного расщепления нет.

В технике вторичной обработки наблюдается единая, очень важная черта – особенности традиционного изготовления листовидных наконечников и вообще бифасов. Но, в отличие от комплекса Пилипче, в Стинке I выделено большое количество разнообразных изделий зубчато-выемчатой техники вторичной обработки (Анисюткин 1973: 228-234).

Этот вопрос нуждается в некотором уточнении. Поскольку большинство зубчатых форм Стинки представлено единичными и в целом атипичными (иногда оригинальными для мустье всей Восточной Европы) изделиями, то не исключено, что часть из них – «одноразовые» подручные инструменты, или же это продукты механического воздействия случайных антропогенных, а то и просто естественных вторичных факторов.

Эти соображения вызваны тем обстоятельством, что в аналогичном комплексе Пилипче XI (по топографическим и стратиграфическим особенностям залегания артефактов) можно было бы также «отыскать» богатый зубчато-выемчатый инвентарь. Однако, при более внимательном изучении этих материалов мы увидим разновременность происхождения негативов на зубчато-выемчатом лезвии (различная патинизация, разная форма, глубина и размеры фасеток, неодинаковые и нетипичные углы нанесения ударов и пр.).

Диагностирование зубчатых орудий и в целом зубчатых индустрий – очень сложная и тонкая процедура. Во многих случаях такие орудия вызывают справедливые сомнения и споры. Можно, например, вспомнить результаты Совещания по проблемам классификации и номенклатуры зубчато-выемчатых орудий нижнего палеолита, которое проходило в Ленинграде в 1974 г. Оно показало значительные расхождения взглядов исследователей относительно морфологии, функции и самой сути зубчатых изделий (Аникович 1978: 303-307). Указывалось, в частности, что большое количество сколов с зубчато-выемчатыми краями могло возникнуть вследствие природных влияний или обыкновенного «вытаптывания» кремней на месте постоянных поселений.

Детальное описание естественных повреждений зубчатого характера сделано на основании исследований материалов IV-го слоя Тринки I (Анисюткин, Филиппов 1986: 52-64.). Таки повреждениями являются: «...небольшие глубокие выемки одноразового происхождения,

расположенные по краям как дорсальной, так и вентральной сторон изделия. Они лучше всего заметны на массивных, или же, наоборот, очень тонких краях. В последнем случае лезвия сформированы в виде серии краевых обломов. Повреждения в виде выемок могут быть не только однофасеточными с точкой давления посередине, но и многофасеточными...» (Анисюткин, Филиппов 1986: 59). Такой скрупулезный анализ дал возможность раскрыть важнейшие вопросы формообразования орудий и, вместе с тем, определить группы и типы псевдообработки на кремневых заготовках.

Некоторые археологи считают даже, что зубчатые формы в мустье не традиционно-культурное явление, а своеобразное (неудовлетворительное) состояние артефактов (Граслов 1984: 103). Таким образом, поскольку вопрос о зубчатых индустриях в мустье принадлежит к дискуссионным и не до конца выясненным, оставим его в стороне. В этом случае комплексы Стинки и Пилипче в технике вторичной обработки также не будут иметь серьезных расхождений.

Учитывая отсутствие стратиграфии, значительную лакуарность каменных коллекций и спорность выделения некоторых типов орудий, следует признать, что единственным полноценным критерием для научной интерпретации стинковско-пилипчанских комплексов является только сравнительный метод ведущего типа орудий – листовидных двусторонних наконечников.

Среди двусторонних и частично двусторонних изделий Пилипче XI встречаются атипичные микокские элементы, которые составляют приблизительно 30%. Микокские черты (сегментовидные и двусторонние обушковые формы) иногда напоминают прондники или тип Бокштайн. Условно их можно назвать псевдомикокскими пережитками.

Около 70% двусторонних изделий – это удлиненные наконечники или их заготовки (или фрагменты первых и вторых). Доминируют плоско-выпуклые в сечении, треугольно-удлиненные (до овальных) предметы с закругленным и потоньшенным основанием (не считая полуфабрикатов).

Типичные листовидные наконечники (настоящие Blattspitzen) представлены в коллекциях единичными образцами – Стинка (Анисюткин 1972: 90, рис. 1, 2, 3), Пилипче – рис. 7; рис. 8, 2, 3, 7, хотя именно они – тонкопрофильные и тонкоограненные наконечники лавролистной формы являлись главным целевым продуктом и морфометрической моделью стинковского производства. Исходя из этого стержневого модуля, попытаемся отыскать аналоги стинковско-пилипчанским наконечникам в Пруто-Днепровском междуречье среди памятников со стратиграфической привязкой (подъемные коллекции могут еще больше запутать этот сложный вопрос).

Недавно в Поднепровье были открыты и частично изучены мустьерские комплексы с типич-

но микокскими орудиями – Езуполь I (слой II) и Колодиев. Они датируются ээмским интергляциалом, но в технико-типологическом аспекте эти изделия не имеют прямых связей со стинковскими двусторонними формами (Ситник, Богуцкий, Кулаковська 1996: 86-97).

Наиболее близкими и наиболее точными на сегодняшний день аналогами являются стратифицированные комплексы Рипичень-Извор на Пруте, в которых можно проследить развитие местного бифасиального производства, начиная с раннего вюрма (премустерьен) и кончая интерстадиалом Ляско вюрма III (граветьен) (Păunescu 1993). Это действительно уникальная летопись развития двусторонней индустрии, которая может сравниться разве что с культурно-хронологической колонкой Молодово V.

Мустьерские слои (I-V), которые залегают в лессовых отложениях на глубине 6-10 м, датируются отрезком времени амерсфорт – хенгело (подградем). Это, собственно, тот период палеолита, на который (по Н. Анисюткину) выпадает развитие стинковской культуры. Все мустьерские комплексы Рипичень-Извор характеризуются яркими микокскими традициями двусторонней обработки и леваллуазской техникой первичной обработки. Самый богатый на микок культурный слой IV (мустье) имеет индекс техники леваллуа 38,8 и пластин – 16,58%. Основу двусторонних изделий составляют микокские ножи и скребла частично-двустороннего характера. Отдельные предметы напоминают стинковские листовидные формы (Păunescu 1993, рис. 64, 4; рис. 69, 9; рис. 70, 2; рис. 73, 7; рис. 74,3), но они составляют очень небольшой процент и не могут быть полной аналогией стинковско-пилипчанским наконечникам.

Ситуация выглядит таким образом, что стратифицированные мустьерские памятники с двусторонней традицией вторичной обработки на Днестре и Пруте (Езупиль I – слой II, Колодиев, Рипичень-Извор), характерные прежде всего леваллуазской технологией и микокскими элементами двусторонних орудий – сегментовидными ножами и скреблами удлинённых пропорций, наконечниками треугольной формы. Листовидные наконечники стинковского типа встречаются эпизодически и являются, вероятно, нецелевым, случайным продуктом.

Намного больше общих черт морфометрического характера наблюдается среди двусторонних изделий позднепалеолитических (ориньских) горизонтов Рипичень-Извор (Păunescu 1993: 135, рис. 81, 1; 139, рис. 89, 4, 12; 145, рис. 93, 6, 13, 16; 150, рис. 95, 9, 14-21). Характерно, что в этой призматично-пластинчатой индустрии довольно часто встречаются находки леваллуазских острий треугольной формы, круторетушированных скребел и скребков, которые имеют прямые связи с частью инвентаря мустьерских слоев. Однако на стратиграфическом профиле мустьерские и позднепалеолитические горизонты разделяет стерильная двух-

метровая пачка верхнеплейстоценовых отложений от хенгело (подградем) до арси (денекамп) – приблизительно 40-28 тыс. лет назад. Такая же большая «хронологическая лагуна» наблюдается и среди культурных горизонтов молодых памятников на Днестре, которые подобно Рипичень находятся на мысах второй террасы и перекрыты пестроцветными делювиальными суглинками.

На других стратифицированных стоянках позднего палеолита Пруто-Днестровского региона двусторонние наконечники в культурных слоях встречались очень редко. На Днестре это Молодово V (слой X) и Вороновица I (Черниш 1962: 143-146). К частично переотложенному (в палеолитическое время) слою следует отнести фрагмент наконечника из Йоржницы (Григорьева 1972: 70; 1972а: 170), а также наконечники в комплексе позднепалеолитических коллекций Голошницы и Раковца IX. Можно увидеть некоторые параллели пилипчанским двусторонним изделиям среди заготовок и наконечников стоянки Корпач (4-й слой). Здесь, в закрытом позднепалеолитическом комплексе (14 тыс. кремней) найдено 8 бифасиальных орудий (Борзьяк, Григорьева, Кетрару 1981: 69, 71). Особенно похож на стинковские (по морфологии) один листовидный клинок (Борзьяк, Григорьева, Кетрару 1981: 72, рис. 28, 1). Рядом, на поселении Корпач-Мыс выявлено еще три орудия с тщательной двусторонней обработкой (Борзьяк, Григорьева, Кетрару 1981: 93, рис. 36, 1,3). Фрагмент небольшого острия найден в слое 2 грота Ла Серетурь (Борзьяк, Григорьева, Кетрару 1981: 40, рис. 13, 10).

Исследователи этих памятников отмечают, что «кремневые наконечники в позднем палеолите Днестровско-Карпатского ареала получили довольно широкое распространение. На нынешнем этапе исследования известны более 50-ти стоянок, местонахождений и пунктов находок, где они присутствуют. Больше всего представлен тип листовидного наконечника с выпуклыми краями, округлым основанием и листовидным сечением...» (Борзьяк, Григорьева, Кетрару 1981: 102).

Следует вспомнить и о пещерной стоянке Брынзены I, в III-ем слое которой (8 тыс. кремней) найдены «...кремневые изделия эпохи мустье и ориньяка вместе с двусторонне обработанными формами, что является характерным для памятников Селетской культуры. Эта культура существовала в центральной Европе в интерстадиале W I-II и в период W II и знаменует собой конец среднего и начало позднего палеолита» (Кетрару 1973: 73). Позже Н.Кетрару выделяет отдельную брынзенскую культуру, близкие аналоги материалов которой он видит в подъемной коллекции Бобулешт VI (Кетрару 1969: 60-62).

Илья Борзьяк на основании анализа технико-морфологических отличий приходит к выводу, что материалы Брынзены и Бобулешт не име-

ют ничего общего с инвентарем селетских комплексов. Он считает, что листовидные остря с верхнепалеолитических стоянок Буздужаны II, Трынка IV и др. не связаны с бринзенской, а тем более селетской культурой (Борзияк 1983: 40, 41). В связи с этим следует вспомнить находку листовидного наконечника из мустьерского слоя IV в гроте Трынка I (Анисюткин, Борзияк, Кетрару 1986: 36, рис. 14, 3). «Подобные листовидные остря еще не были известны в Днестровско-Прутском регионе, где иные формы весьма многочисленны. Трынковская форма является уникальной для междуречья Прута и Днестра. Подобные орудия известны на территории ФРГ и ГДР — альтмюльская группа, а также на Балканах, где они были найдены в некоторых мустьерских памятниках (Муселиево)» (Анисюткин, Борзияк, Кетрару 1986: 53). Слой IV Трынки I датируется авторами в целом вюрмом II / III по французской схеме. Отметим, что по форме и тщательности изготовления этот наконечник напоминает отдельные (правда, фрагментированные) пилипчанские изделия (рис. 7, 4).

Довольно развитые формы двусторонних изделий найдены в IV-ом слое (мустье?) грота Трынка II (Анисюткин, Борзияк, Кетрару 1986: 82, рис. 34,4,5). Один из них имеет вогнутое и потоньшенное основание (стрелецкий позднелеолитический тип), что объединяет его с ориньякскими и даже граветтскими стрельчатыми наконечниками Рипичень-Извор. Авторы исследований в Трынке II относят поселение IV-го слоя к периоду мустье, хотя в заключение делают вывод: «Материалы грота Трынка II небольшие и по ним определить культурную принадлежность памятников представляется невозможным, также нет данных о хронологии слов» (Анисюткин, Борзияк, Кетрару 1986: 92).

Серии двусторонних наконечников представлены в коллекциях таких позднелеолитических памятников, как Гординешты, Бобулешты VI, Климауцы и др. (Borziyak 1990: 133-136; Borziac 1994: 33, fig. 3,9, fig. 4; Borziac 1996: 33-39; Chirica, Borziac, Chetaru 1996: 206, 221, 238, 245, 257). Если сравнивать их с мустьерскими изде-

лиями стинковской традиции (Anissutkine 1990: 35-37), то разница между ними незначительна, а то и совсем не заметна. Характерна та же листовидно-удлиненная форма, заокругленная и потоньшенная базальная часть, иногда она чуть вогнута (Трынка II). Абстрагируясь от деталей оформления этих орудий, можно увидеть аналогичные им изделия в комплексах селетоидных памятников Центральной Европы — Румынии, Словакии, Венгрии, Южной Польши.

Как известно, для ранних селетоидных индустрий характерны неразвитые овальные и треугольные формы, и только для позднего селета типичными становятся лавролистные очертания. Хронологически селетские комплексы появляются, начиная с интерстадиала Вюрм I — II, а территориально они занимают Среднюю Европу — от Альтмюля на западе до Днестра и Прута на востоке (Kozłowski 1961: 128, 129).

Стоянок с листовидными формами в Польше немного, но они четко группируются в отдельную культурную область позднего палеолита. Изделия мустье из Окенника, Рая, Звезжинца 1 В.Хмелевский определял как «протоселетьен» (Chmielewski 1964). Однако Я.Козловский эти материалы вместе с аналогичными им памятниками (Краков-Прондник Червоный в Польше, пещеры Янковича и Ремата в Венгрии, Богунце в Моравии) определяет как индустрии типа Муселиево-Самуилица (Kozłowski 1968; Kozłowski J., Kozłowski S. 1977: 100). В одной из последних обобщающих работ по палеолиту Польши выделяются группы памятников с бифасами типа Бокштайн, микокьен типа Зволеня, индустрии типа Цемной, Вылетного, а также юго-восточный шарантьен и мустьерьен (Kozłowski J., Kozłowski S. 1996). Среди этих комплексов отсутствуют треугольные и листовидные наконечники. Немного похожие материалы классифицируются как муселивьен. Еще более близкие по форме изделия принадлежат к позднелеолитическому селетьену (индустрия Дзержислава — верхний слой, Краков-Звезжинец I, сектор 4а, пещеры Мамутова, Стжигова, Ясна и др.) (Kozłowski J., Kozłowski S. 1996, pl. 27, 28).

Предварительные выводы

Все, без исключения, памятники стинковско-пилипчанской традиции не имеют геологических реперов, которые могли бы пролить свет хотя бы на их относительную хронологическую позицию. Стратиграфические горизонты Стинки I и Осыпки переотложены и в пределах позднего плейстоцена неопределимы.

По количеству инвентаря и типологической четкости индустрии заслуживают внимания только два местонахождения — Стинка I (оба горизонта) и Пилипче XI, которые демонстрируют выразительные серии двусторонних микокских макроформ. Остальные памятники лишь дополняют рисунок «культурного лица» индустрии

в отдельных аспектах.

На нынешнем этапе развития палеолитоведения единственным научным методом определения возраста и культуры стинковско-пилипчанских коллекций является сравнительный подход к ведущему типу инвентаря — двусторонним орудиям и их заготовкам.

Стинка и Пилипче расположены на высоких, надканьонных террасах Днестра, что свидетельствует об их производственно-сезонном (вероятно, охотничьем) характере. Хозяйственная специализация таких лагерей определяла и специфику технологии производства орудий. Основное внимание, как кажется, было нацелено на

серийное изготовление главного охотничьего атрибута – каменных двусторонних наконечников к дротикам и копьям. Производство последних (из некачественного сеноманского кремня) давало большое количество отходов в виде аморфных, массивных и остросеребристых отщепов (обломков). Серийные заготовки на отщепе и пластинах отсутствуют. Единичны типичные дисковидные и параллельные ядрища. Большинство нуклеусов – это грубо оббитые со всех сторон «сфероиды» с локальными рабочими участками, ограниченными преимущественно параллельно. Как кажется, многие из этих ядрищ на самом деле были бракованными (на ранних этапах расщепления) заготовками для двусторонних орудий.

В коллекциях и Стинки, и Пилипче количественно преобладают бракованные и фрагментированные образцы. Настоящие «боевые» наконечники терялись и ломались, как правило, во время охотничьих операций, а не на месте временного проживания, поэтому технические особенности оформления большинства найденных фрагментов или бракованных заготовок не имеют ничего общего с «архаизмом» и хронологией памятника. Несколько имеющихся экземпляров наконечников можно все же считать определенным эталоном, морфометрической моделью, которая имеет культуруопределяющее значение. Это прямоосный тонкопрофильный, тщательно ограниченный клинок лавролистной или треугольно-удлиненной формы с потоньшенным и заокругленным основанием.

В каменных собраниях с преобладанием двусторонней техники всех известных стратифицированных памятников мустьерского возраста Пруто-Днестровского междуречья (Рипичень-Извор, Езупиль, Колодиив) представлены развитые микокские традиции. Листовидные наконечники у них отсутствуют.

В стратифицированных позднепалеолитических горизонтах Рипичень-Извор, Корпача и др. стоянок встречаются подобные формы очень мало (уже как пережитки). В пещерных и подъемных коллекциях наконечников больше, но их хронологическая позиция в пределах плейстоцена неясна. По своим главным морфологическим признакам (более мелкие размеры, тоньше обработка, вогнутое основание, треугольная в целом форма и т.п.) позднепалеолитические клинки несколько «прогрессивнее» стинковско-пилипчанских.

Таким образом, на основании сравнительно-типологического анализа двусторонних наконечников из стратиграфически «закрытых комплексов» мустье и позднего палеолита, можно сделать предположение, что в хронологическом плане памятники типа Стинка-Пилипче занимают промежуточное место между финальным мустье и ранним периодом позднего палеолита, заполняя временной диапазон 40-30 тыс. лет назад.

В инвентаре палеолитических памятников близлежащих территорий (Румыния, Словакия, Венгрия, Польша) подобные материалы представлены муселиево-самуилицкой (мустье) и селетской (поздний палеолит) культурами. На наш взгляд, стинковско-пилипчанская индустрия больше тяготеет к ранним селетоидным комплексам. Муселиевский культурный пласт довольно специфичный, особенно в технике первичного расщепления.

Специализированный характер этих временных стоянок не позволяет делать полноценный технический анализ. На основании имеющихся остатков можно лишь в предположительном варианте говорить о дисковидно-параллельных приемах производства заготовок, что в полной мере отвечает эпохе мустье. Призматическая технология верхнего палеолита неразвита. С другой стороны, морфометрические и типологические показатели ведущего типа орудий – двусторонних наконечников свидетельствуют о позднепалеолитическом характере обработки. Объяснение этого феномена кроется, вероятно, в переходном состоянии (между двумя техническими эпохами) и в производственной специализации, нацеленной на серийное изготовление однотипного орудия.

Сопроводительный инвентарь разноплановый, но типичными являются только скребла (мустье) и скребки (поздний палеолит), что еще раз подтверждает предположение о переходном характере индустрии.

В территориальном аспекте памятники сосредоточены на небольшом отрезке Среднего Поднестровья. В топографическом – локализируются на высоких «смотровых» террасах Днестра.

С местной генетической подосновой они не связаны. Их праиндустрией могут быть сталинградские или старосельские комплексы. Сегодня этот вопрос не может быть решен, поскольку в такой же мере носителями стинковско-пилипчанских традиций могут быть «хотылевцы» или «рихтинцы».

В начале позднего палеолита в Поднестровье охотники с двусторонними наконечниками были вытеснены общинами с пластинчатой технологией расщепления. Возможно, «стинковцы» продвинулись в Центральную Европу и ассимилировались с местным селетоидным субстратом (или стали их генетической подосновой?).

Из вышеприведенных соображений следует, что «стинковская культура» не была широко распространена во времени и пространстве, охватывая всю мустьерскую эпоху (Анисюткин 1977: 6), а была сравнительно кратким периодом существования первобытных коллективов со специализированным хозяйством в переходную эпоху между мустье и поздним палеолитом. В техническом варианте материалы этой индустрии можно отнести к пост-мустье двустороннему, среднеднестровской фации, стинковско-пилипчанского типа.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникович М.В. 1978. Совецание по вопросам классификации и номенклатуры зубчато-выемчатых орудий нижнего палеолита (Ленинград, 1974) // СА. №3.
- Анисюткин Н.К. 1969. Мустьерская стоянка Стинка на Среднем Днестре // АС. №11. С. 5-17.
- Анисюткин Н.К. 1972. Листовидные острия с двусторонней обработкой со стоянки Стинка I // МИА. №185. С. 88-94.
- Анисюткин Н.К. 1973. Орудия клювовидных форм в раннем и среднем палеолите // СА. №1. С. 228-234.
- Анисюткин Н.К. 1977. Об археологических культурах мустье // АС. №18. С. 5-9.
- Анисюткин Н.К. 1977а. Раннемустьерское местонахождение Осыпка и некоторые вопросы зубчатого мустье в междуречье Днестра и Прута // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л. С. 7-14.
- Анисюткин Н.К. 1978. Варианты среднего палеолита Приднестровья (стинковская культура) // АС. №19. С. 133-141.
- Анисюткин Н.К. 1984. Археологическое изучение мустьерской стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М.: Наука.
- Анисюткин Н.К., Борзьяк И.А., Кетрару Н.А. 1986. Первообытный человек в гротах Тринка I-III. Кишинев. 128 с.
- Анисюткин Н.К., Филиппов А.К. 1986. К характеристике раннепалеолитических комплексов // Палеолит и неолит. Л.: Наука.
- Борзьяк И.А., Григорьева Г.В., Кетрару Н.А. 1981. Поселения древнекаменного века на северо-западе Молдавии. Кишинев.
- Борзьяк И.А. 1983. Поздний палеолит Днестровско-Карпатского региона (опыт систематизации) // Первообытные древности Молдавии. Кишинев.
- Борисковский П.И. 1953. Палеолит Украины. Историко-археологические очерки // МИА. М.-Л. №40.
- Гладилин В.Н. 1976. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. К.: Наукова думка.
- Григорьева Г.В. 1972. Позднепалеолитические накопники Среднего Днестра // КСИА. №131. С. 78-81.
- Григорьева Г.В. 1972а. Новые позднепалеолитические памятники на Среднем Днестре // МИА. №185. С. 169-176.
- Иванова И.К. 1969. Геоморфология и палеогеография Приднестровья в палеолите // Природа и развитие первобытного общества на территории европейской части СССР. М.: Наука.
- Кетрару Н.А. 1969. Палеолитические и мезолитические местонахождения в бассейне р. Прут // Антропоген Молдавии. Кишинев.
- Кетрару Н.А. 1973. Памятники эпох палеолита и мезолита. Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев. Вып. 1.
- Полянський Ю. 1929. Подільські етюди // Збірник природописно-лікарської секції т-ва ім. Шевченка. Львів, Т. XX.
- Праслов Н.Д. 1984. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М.,
- Ситник О.С. 1985а. Мустьерська стоянка Пронятин поблизу Тернополя // Археологія. К., №50.
- Ситник О. 1992. Середньопалеолітичні пам'ятки Борщівщини // Літопис Борщівщини. Борщів, Вип. 1. С. 14.
- Сытник А.С. 1994. Мустьерская стоянка Пронятин и ее место в палеолите Восточной Европы // Археологический альманах. Донецк. №3
- Ситник О.С. 1996. Шлях розвитку леваллуазьких індустрій в Україні // Археологический альманах. Донецк. №5
- Ситник О. 1998. Двобічні знаряддя середнього палеоліту у Прикарпатті // Carpatica. Карпатика. Старожитності Верхнього Потисся та суміжних регіонів. Ужгород, С. 5-23.
- Ситник О.С., Богуцький А.Б., Кулаковська Л.В. 1996. Стратифіковані пам'ятки палеоліту в околицях Галича // Археологія. №3. С. 86-97.
- Черниш О.П. 1961. Палеолітична стоянка Молодова V. К.
- Черниш А.П. 1962. Новые позднепалеолитические местонахождения на Днестре // БКИЧП. №27. С. 143-146.
- Черныш А.П. 1965. Ранний и средний палеолит Приднестровья // ТКИЧП. М.: Наука. Т. 25.
- Черныш А.П. 1982. Многослойная палеолитическая стоянка Молодова I // Молодова I. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. М.: Наука.
- Черныш А.П. 1987. Эталонная многослойная стоянка Молодова V. Археология // Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. Люди каменного века и окружающая среда. М.: Наука.
- Anissutkine N.K. Industries mousteriennes à pointes foliacées du sud-ouest de la partie européenne de l'URSS // Les industries à pointes foliacées du Paléolithique supérieur européen. Kraków, 1989. E.R.A.U.L. Liège, 1990. №42. P. 31-41.
- Borziac I. 1994. Paleoliticul și mezoliticul în spațiul dintre Nistru și Prut // Thracodacica. București, T. XV. 1-2. P. 19-40.
- Borziac I. 1996. The late palaeolithic in Moldavia (1991-1995) // UISPP. Congrès de Forli. Commission Paléolithique supérieur, Bilan 1991-1996. E.R.A.U.L. №76. P. 33-40.
- Borziyak I.A. 1990. Bifacial Stone tools of late palaeolithic in Dniestr-Prut interfluvium // Les industries à pointes foliacées du Paléolithique supérieur européen. Kraków, 1989. E.R.A.U.L. Liège. №42. P. 125-136.
- Chirica V., Borziac I., Chetaru N. 1996. Gisements du paléolithique supérieur ancien entre le Dniestr et la Tissa. Iași. 333 с.
- Chmielewski W. 1964. Middle palaeolithic traditions in upper palaeolithic cultures of Central and eastern Europe // Archaeologia Polona. Warszawa. 8.
- Kozłowski J.K. 1961. Próba klasyfikacji górno-paleolitycznych przemyśłów z płoszczami liściowatymi w Europie. Kraków. 132 s.
- Kozłowski J.K. 1968. Zagórska, pow. Kielce // Informator archeologiczny badania 1967 r. Warszawa.
- Kozłowski J.K., Kozłowski S.K. 1977. Epoka kamienna na ziemiach polskich. Warszawa, S. 100.
- Kozłowski J.K., Kozłowski S.K. 1996. Le Paléolithique en Pologne. Série «Préhistoire d'Europe». №2.
- Păunescu A. Ripiceni-Izvor. 1993. Paleolitic și mezolitic. București, 228 p.